

Переиграй
меня если сможешь..

18+

Олег Куракин

Переиграй меня если сможешь.

<https://litres.ru/74186208>

SelfPub; 2026

Аннотация

Основано на реальных событиях. Имена и отдельные детали изменены в целях конфиденциальности.

От рутины — к краю пропасти: история менеджера, которому наскучила предсказуемая жизнь. В 2013–2014 годах он втягивается в серые финансовые схемы вместе с импульсивным другом Романом и прагматичным Александром Провоторовым и идеальным директором Валерием Бардиным. Погоня за миллионами превращается в марафон по банкам: выписки, доверенности, лимиты, пачки наличных — каждый шаг грозит разоблачением. На фоне узнаваемой Москвы разворачивается драма о дружбе, риске и тонкой грани между «ещё чуть-чуть» и «всё пропало». Чем крупнее куш, тем очевиднее: обратного пути нет. Стиль — на стыке документальной прозы и напряжённого триллера: без пафоса, зато с холодными деталями и живым напряжением.

Содержание

Встреча старых друзей.	4
Провоторов.	8
Новая глава в моей жизни.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Переиграй меня если сможешь.

Встреча старых друзей.

2013-й год.

На экране жирными цифрами горели три миллиона.

Я потянулся сделать платёжку, привычно щёлкнул по кнопке. И вдруг — короткое, сухое уведомление: «Доступ к операциям по счёту ограничен».

Внутри всё оборвалось, но пальцы ещё на автомате пробовали другие варианты, будто, если нажать чуть иначе, реальность послушно переиграет правила. Не работало.

— Козёл, — выдавил я, сжимая зубы. — Он нам ограничил доступ к операциям по системе банк-клиент. Вот это да. И, видимо, теперь собирается снять их по корпоративной карте. Спокойно, без суеты, пока мы тут сидим и думаем, что мы молодцы.

В офисе вдруг стало слишком тихо. Даже привычный гул города за окном будто приглушился, и остались только наши голоса в трубке да этот равнодушный экран, который больше ничего не обещал.

Знаете, в таких историях все любят начинать с красивой схемы: мол, вот я просчитал каждый шаг, вот у меня был

план на случай плана. А правда куда прозаичнее. Я не был гениальным аферистом. Я был обычным менеджером, который гордился тем, что умеет всё разложить по полочкам: смету, сроки, даже спор с подрядчиком — всё по алгоритму. Моя суперсила заключалась в том, что я никогда не опаздывал и всегда приносил документы в двух экземплярах. В этой игре это оказалось самым бесполезным навыком и вот этот самый человек, который паниковал, если в коммерческом предложении стояла лишняя запятая, сидел сейчас перед экраном, где три миллиона превращались в ноль одним кликом.

Парадокс в том, что к этой точке меня привёл старый друг, который умел одним своим появлением стирать все мои «нельзя» и «не положено». Всё началось с банальной встречи. Ни тайных знаков, ни зашифрованных писем — просто солнечный день, запах свежескошенной травы и Роман, ворвавшийся в мою жизнь, как сквозняк в плотно закрытое помещение.

Шёл 2013-й год, доллар застыл на 32-х рублях — и всё равно будто дышал, полз вверх. Для меня эти цифры въедались в сознание: они задавали ритм всей работе.

Два года в фирме по вентиляции стали моими лучшими годами. Я уже не просто принимал звонки — я просчитывал проекты, сводил людей, ускорял согласования. Коллеги кивали, начальство доверяло: «Сделай так, как считаешь нужным». Я был на своём месте — и именно поэтому стабильность начала давить. Рутинка стирала всё острое. Хотелось

снова почувствовать азарт: когда собираешь проект по винтику и понимаешь — если хоть один не подойдёт, всё развалится.

В тот день в кафе напротив офиса появился Роман. Его небрежно брошенная на спинку стула куртка казалась вызовом всей моей упорядоченной жизни.

— Слушай, у меня тут одна тема есть, — прошептал он, наклоняясь ближе. В глазах вспыхнул знакомый огонёк: азарт и абсолютная уверенность, что сейчас всё получится.

Я глотнул остывший кофе. Его «темы» всегда звучали как авантурные романы.

— Необычная схема. Может быть очень выгодно. Нужно небольшое вложение, — он взмахнул руками, будто рисовал в воздухе невидимые линии.

— Какое вложение? — старался я звучать спокойно.

— Небольшое, — отмахнулся он. — Главное — идея. Ты с твоим опытом идеально подходишь. Ты всё просчитаешь, а я дам движение. Мы дополним друг друга.

Роман будто прочитал мои мысли.

— Ты ведь всегда любил сложные комбинации, — тихо сказал он. — Сначала кажется, что ничего не выйдет, а потом собираешь всё по винтику — и оно работает.

— Это не комбинация, а деньги. Мои деньги, — возразил я.

— Именно поэтому ты и нужен, — настаивал он.

— Расскажи подробнее, — наконец произнёс я. — Только

факты.

Роман широко улыбнулся — будто уже знал, что победил. И начал рассказывать.

Роман.

Роман — не просто друг, а сплошной вихрь. Рядом с ним всё будто искрилось и кружилось, как на фейерверке, он не когда не думал про завтра. Его «сегодня» было настолько ярким, что будущее просто терялось где-то в этой вспышке. Он жил так, будто каждый день — последний, и надо прожить его на полную, чтобы потом было что вспомнить. И вспоминать точно было что. Он умел всех завести — хоть на сцене, хоть просто за столом. А когда садился за рояль, казалось, что клавиши сами тянутся к его пальцам. Да и выглядел он так, что все девчонки с ума сходили. Ум у него был острый, но вечно тонул в потоке безумных идей. То он грезил о музыкальной группе, которая покорит весь мир, то вдруг выдумывал бизнес-план, по которому мы все должны были стать миллионерами за одну ночь. Я, честно говоря, не особо верил в эти затеи — они казались мне слишком фантастическими. А что я мог ему противопоставить? Свою обычную рутину, где каждый день похож на предыдущий. Но сколько бы я ни сомневался в его идеях, я всегда оставался рядом. Потому что он — мой друг.

Провоторов.

Владелец заводов, газет, пароходов .

До сих пор не могу точно сказать, что именно толкнуло меня на эту авантюру. То ли манила интрига, то ли соблазняло обещание лёгких денег, а может, просто надоела рутина, которая день за днём стирала из жизни все острые углы.

В тот день я отпросился с работы под каким-то нелепым предлогом — вроде бы «семейные обстоятельства», хотя в глазах начальника, наверное, читалось: «Опять что-то задумал». Взяв пачку приготовленных наличных, я помчался в центр Москвы. Роман ждал меня в модном кафе — в таком, где воздух был пропитан запахом дорогого кофе и ещё более дорогих духов, а посетители говорили вполголоса, будто каждое слово стоило отдельной статьи расходов.

Когда я вошёл, Роман уже сидел за столиком у окна. Рядом с ним — незнакомый мужчина, худощавый, будто вытянутый из тени. Он смотрел на меня так, словно сразу считывал всё: и сомнения, и неловкость, и даже ту самую тысячу мыслей, что роились у меня в голове.

— Знакомься, — кивнул Роман, чуть отодвигая чашку. — Это Александр Провоторов.

Александр коротко наклонил голову, не протягивая руки.

— Александр, — тихо повторил он, будто проверяя, как звучит его имя в этом месте.

Я сел, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Приятно, — выдавил я, хотя приятного было мало.

Взгляд Александра скользил по людям, как по инвентарю: холодно, деловито, без любопытства: считывал, оценивал, раскладывал. Рядом с ним становилось чуть холоднее — не от злобы, а от этой ледяной, расчётливости. Его редкая улыбка обнажала вставные зубы, и от неё хотелось невольно отступить на полшага — будто мельком увидел остриё, которое до этого прятали. Он не тратил лишних слов. Только слушал и действовал. Его сообразительность и хватка делали его ценным, даже опасным, союзником.

Роман пояснил, что Александр — это человек, на котором "числились" фирмы. Не просто фирмы, а целый десяток "однодневок", где он одновременно выступал и директором, и учредителем. Звучало это как начало какого-то криминального триллера, но Роман уверял, что все законно. Ну, или почти законно.

Роман расплылся в улыбке, будто мы собрались не обсуждать сомнительные дела, а праздновать чей-то день рождения.

— Саня у нас человек золотой, — заговорил он, понизив голос, но не теряя привычного напора.

Я моргнул, пытаюсь уложить в голове, что значит «Золотой человек?»

— И что с ним делать? — спросил я, стараясь, чтобы вопрос не прозвучал как обвинение.

Роман хлопнул ладонью по столу, как будто ставил точку. — Всё пойдем, сейчас еще раз объясню.

— Мы будем проверять остатки по счетам. Саня будет ходить со мной в банки. За каждый визит — полторы тысячи. Я уже с ним сторговался.

Я сжал зубы. Полторы тысячи за каждый визит. Много ли их будет? Но я уже зашёл слишком далеко, чтобы отступать.

— Ладно, — пробормотал я. — Пусть будет так.

Охота за цифрами.

Дело пошло. Мы с Ромой начали свою «охоту». Перед нами лежал внушительный список фирм, возглавляемых Александром, и теперь по каждой из них мы заказывали список открытых счетов. Десяток названий, каждое из которых, казалось, скрывало за собой свою, никому не ведомую историю.

Это было похоже на детективную игру, где каждая новая информация приближала нас к цели. Роман с Александром, как опытные игроки, заходили в банк, предъявляли паспорт Александра и ИНН фирмы, и им, без лишних вопросов, предоставляли остаток по счёту. Ведь Александр Провоторов был и директором, и учредителем. Для банковской системы он был единственным и неоспоримым хозяином этих фирм.

Однажды, выйдя из очередного отделения, Роман хлопнул меня по плечу, как будто мы только что выиграли раунд. — Ну что, видел? На одной — двести тысяч. На другой

— ноль. Но это только начало.

Я смотрел на список, где напротив названий фирм появлялись в моём воображении всё новые и новые цифры, и чувствовал, как внутри борются два чувства: надежда и тревога. Надежда казалось пыталась перекричать тревогу, но тревога была громче.

— А если везде будет ноль? — спросил я тихо, чтобы не услышал Проваторов, который стоял чуть поодаль и изучал экран телефона с таким видом, будто всё это его вообще не касается.

Роман фыркнул.

— Везде не бывает. Где-то обязательно что-то есть. Главное — не сдаваться.

Океан нулей.

Остатки по счетам везде были разные. Где-то — скромные суммы, где-то побольше. Мы методично просматривали каждую фирму, каждый счет в поисках того самого, максимального остатка. Это было похоже на поиск золотой жилы в океане информации.

Каждая фирма, каждый новый счет, вызывали в нас то вспышку надежды, то горькое разочарование. Но мы не сдавались. Ведь где-то там, среди бесчисленных фирм и счетов, скрывались миллионы, которые мы искали.

В кафе пахло подгоревшим молоком и дешёвым сиропом. Я смотрел на стакан с остывшим латте, на тёмную плёнку поверх него, и думал: мы платим полторы тысячи за каж-

дый визит, а взамен получаем ноль. Снова ноль. И ещё один ноль. Как будто кто-то специально подкидывал нам эти цифры, чтобы проверить, сколько мы готовы терпеть.

Роман, напротив, будто не замечал провалов. Он щёлкал пальцами по столу, как по клавишам, и бормотал: «Где-то есть. Обязательно есть».

— Ты в это правда веришь? — спросил я.

— Я верю в то, что не бывает везде ноль, — отрезал он. — Если есть фирма, есть счёт. Если есть счёт, есть остаток. Даже если он три рубля.

Я не стал спорить. Спорить с ним в такие минуты было всё равно что спорить с ураганом. Проще было просто держаться рядом и надеяться, что не сдует.

Когда Роман ушёл, вечер будто сразу стал тише. Провоторов уже застёгивал куртку, собираясь домой, а я всё медлил, цепляясь за последние минуты, когда можно было спросить то, что давно вертелось на языке. У выхода я его остановил.

— Саш... — голос прозвучал неловко. — Зачем тебе всё это? Эти банки, эти остатки...

В голове крутилось: он ведь не знает, во что мы на самом деле ввязались. Или знает, но делает вид, что нет.

Александр замер. Его взгляд скользнул по моему лицу, словно он пытался прочитать между строк. Пауза затянулась. Наконец он чуть дёрнул плечом.

— Где-то платят, где-то нет, — сказал он устало. — Жизнь

такая: где платят, там и держусь.

Эти слова повисли в воздухе. Я стоял и думал, как странно устроена эта логика: простая, почти грубая, но в ней была своя железная честность. Может и правда дело в деньгах и именно в этом умении — оказаться там, где сейчас платят. Пусть даже «там» с каждым днём становилось всё более сомнительным местом, где «можно» и «нельзя» сливались в одну мутную линию.

«Банк 24.ру».

Третий день поисков тянулся бесконечно. Пустота: то абсолютный ноль, то жалкие крохи — Роман презрительно отмахивался:

— Неинтересно. Это даже не разминка.

Мы шли дальше, ведомые неутолимой жадой миллионов. И вот — удача.

Мы проверяли счёт ООО «ОПТСТРОЙТОРГ» в банке «Банк 24.ру» рядом с метро Маяковская. Остаток — более миллиона. В ушах прозвенело.

— Это оно, — прошептал Роман.

Он хлопнул меня по плечу, и в этом хлопке было столько энергии, что казалось, он готов был взлететь.

— То, что мы искали. Но добраться до них было непросто.

Это был интернет-банк, у которого был всего один офис в Москве. Нужен был оттиск печати. Или, как мы быстро сообразили, можно было ввести свою печать в банковскую карточку.

— Значит, делаем новую банковскую карточку, — решил Роман, уже мысленно опережая события.

Я сглотнул. Всё это звучало как сценарий плохого криминального сериала. Но отступить было уже некуда.

Изготовление карточки.

Я ещё не успел сообразить, что отсутствие печати — это серьёзная проблема, а Роман уже просчитывал маршрут и адрес.

— Куда? — спрашивал я.

— В двадцать седьмую налоговую, — бросил он, скользя взглядом по карте на телефоне. — Банк затребовал уставные документы: ИНН, ОГРН, устав, приказ на директора.

Мы, не раздумывая, двинулись в сторону метро. Роман, как полководец, командовал на ходу, а я всё пытался ухватить хоть одну мысль, чтобы унять дрожь в пальцах.

— Почему в двадцать седьмую? — выкрикнул я, пока мы почти бегом двигались к налоговой.

Он на секунду оторвался от экрана:

— Номер налоговой привязан к ИНН фирмы. Всё просто.

Мы влетели в налоговую, и там была небольшая живая очередь. Пока стояли, Роман написал от руки заявления на получение всех трёх документов, попутно оплатив государственную пошлину. Когда подали заявления и получили подтверждение, что документы будут готовы только завтра, я снова занервничал.

— Точно получится? Не спустим ли мы часть моей зарплаты с нулевым результатом? — спросил я, глядя, как деньги снова утекают.

Роман только коротко кивнул:

— Считай, миллион уже в кармане!

Я сказал, что постоянно отсутствовать мне нельзя. Он понял мою озабоченность и спокойно пообещал:

— Я всё получу без тебя. Сделаю печать и приказ на директора. Только сразу дай оплату для Александра и на печать.

Я отсчитал купюры.

На следующий день он позвонил после обеда и велел сразу подъезжать к банку. Документы в налоговой уже были получены, и теперь они стремительно ехали туда. Я ждал у входа, всё ещё сомневаясь, что что-то получится.

Они с Александром вошли в банк с полной уверенностью, а я остался снаружи, будто лишний.

Я постоянно мешал Роману, названивая ему, пока они были в банке. Они меняли банковскую карточку, выпускали новую корпоративную карту и оформляли флешку для управления счётом.

— Ну что, Ром, как дела? — постоянно названивал я.

Роман совершенно спокойно отвечал:

— Доделываем. Сейчас выйдем.

Когда они наконец появились, Роман буквально сверкал. Он был полон тех чувств, которые наполняют полководца

во время победы. Я тоже был поражён, с какой лёгкостью нам удалось заполучить управление счётом, на котором лежал миллион рублей. Теперь его оставалось только получить. Отблагодарив в очередной раз мы отпустили Александра.

Не теряя темпа нашей погони за деньгами, мы активировали корпоративную карту. Роман потёр ладони, будто собирался разогреть их перед чем-то грандиозным.

— Ну что, погнались?

Я кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси страха и азарта.

Охота за наличкой.

Роман, словно заправский грабитель, подходил к каждому банкомату и выгребал ровно по десять тысяч — будто по шаблону, минута в минуту. Лимит был жёстко установлен требованиями банка «Банк 24.ру» к корпоративной карте. Дальше путь лежал к банкоматам других банков — к тем, с которых ещё не снимали.

Мы срывались с места сразу после выдачи купюр — будто каждая лишняя секунда могла всё обрушить. Я всё время косился на камеры под потолком, на охранников у входов, на случайных прохожих, которые вдруг казались слишком внимательными. Для них мы были просто двое парней, снимающих деньги, но для меня каждый взгляд ощущался как прицел.

Так мы сняли около 300 тысяч. Черета подходов к банкоматам слилась в один бесконечный цикл. В суе Роман за-

бывал забирать пачки: они лежали на лотке, как никому не нужные стопки бумаги.

— Стой! — выкрикнул я, хватая пачку, которую он оставил, словно мусор. — Ты опять забыл!

Он обернулся и рассмеялся — легко, почти беззаботно, будто мы не стояли посреди города с кучей наличных, а просто играли в какую-то весёлую игру.

— Прости, голова кругом. Я уже потерялся: где взял, где ещё не был...

Я сунул пачку в сумку и на секунду замер: в паре метров от нас охранник неторопливо поправил рацию и скользнул взглядом по залу. Мне показалось, что он задержался на нас чуть дольше, чем нужно.

— Ром, давай быстрее, — процедил я.

Роман только махнул рукой:

— Да тут всё нормально. Никому ничего не надо.

Когда проверили остаток, оказалось, что счёт пополнился. Ещё три миллиона.

Я присвистнул:

— Так мы будем снимать неделю, если не больше.

Роман прищурился, будто уже видел, как эти деньги превращаются в рестораны и курорты. А я пытался понять, в какой именно момент мы перешли черту, за которой назад уже не вернуться. Когда стало ясно, что снимать по 10 тысяч — это недели беготни, мы начали искать способ получить всё сразу

План с Продаем.

Я позвонил Николаю. Он взял трубку почти мгновенно — будто сидел с телефоном в руке и ждал. Николай Продай, мой старый друг и финансовый директор сразу в нескольких фирмах, неофициально «решал вопросы» с наличкой. И сейчас от его ответа зависело, сможем ли мы вообще двигаться дальше или так и останемся крутиться в этом замкнутом круге.

— Три процента, — сразу перешёл он к делу. — Деньги будут через два-три дня, всё наличными, мелкими купюрами. Без лишнего внимания.

Повернувшись к Роману, я выдохнул, сбрасывая напряжение, которое копилось с каждым подходом к банкомату:

— Три процента. Отдаст наличными, через два-три дня.

Роман не стал переспрашивать, не стал торговаться. Он просто замер на секунду, будто взвешивая не слова, а саму возможность наконец вырваться из этой бесконечной беготни по банкоматам. Потом коротко кивнул:

— И мою долю тоже кидай ему. Главное, чтобы быстро.

И в этом «быстро» было столько усталости, что мне даже не пришлось ничего объяснять. Мы оба знали: ещё хоть пара-тройка дней этих десяти тысяч минута в минуту — и нас кто-нибудь заметит. Камеры, служба безопасности — кто-то обязательно обратит внимание на двух парней, которые будто по расписанию подходят к банкоматам и выгребают деньги день за днем в словно участвуя в гонке по снятию налич-

ных во всех какие только есть банкоматах.

Оставался Александр. Он не задавал вопросов, не давал советов, просто делал то, что просили: стоял в очередях, подавал заявления. Каждый его визит стоил полторы тысячи — как будто мы покупали не помощь, а гарантию, что не застрянем на каком-нибудь пустяке.

Нам не хотелось выглядеть жлобами. И не только из-за совести: мы надеялись, что эти деньги позволят Александру смотреть на нас не как на работодателей, а как на людей, с которыми можно иметь дело. Может, ещё пригодится его помощь.

Мы пообещали ему триста тысяч. Когда озвучили сумму, он не вскинул голову, не расплылся в улыбке — просто чуть крепче сжал телефон в руке и буркнул:

— Это было бы здорово. Мне на зубы надо. И брату помочь...

В этих словах не было ни восторга, ни особой благодарности. Пока мы строили схемы, считали проценты и дрожали от азарта, у него были свои, совсем не героические проблемы. Для него это была просто работа. Ещё одна строчка в невидимом списке дел, где каждый поход в налоговую или банк давал ему ровно полторы тысячи.

Роман хмыкнул и покосился на меня:

— Вот и вся экономика, — сказал он, будто подводил черту под лекцией. — Кто-то стоит в очередях, кто-то берёт процент, а мы просто соединяем.

— Соединяем, — повторил я. Слово прозвучало сухо, почти безжизненно.

Он не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Пакеты с деньгами.

На следующий день деньги пришли снова — ещё три миллиона.

— Вот это да! — воскликнул Роман, глядя на экран ноутбука. — Переводи всё Николаю.

Я кивнул и быстро оформил платежное поручение на реквизиты, которые прислал Продай. Пальцы будто сами знали нужные кнопки, будто это уже стало рутиной — перекидывать суммы, от которых ещё месяц назад у меня бы дрожали руки.

Чуть позже мы встретились с Александром. Роман протянул ему пакет с тремястами тысячами: — Держи. Мы обещали.

Он взял пакет, не спеша, без лишних эмоций, и вдруг спросил:

— А карту корпоративную можете мне....?

Мы с Романом переглянулись.

— Карту? Зачем? — уточнил Роман.

Александр пожал плечами:

— Да так... На всякий случай. Вдруг понадобится что-то по мелочи, что-то оплатить.

Мы переглянулись ещё раз. ООО «ОПТСТРОЙТОРГ» мы считали закрытым вопросом, карта казалась уже бесполез-

ной.

— Ладно, забирай, — махнул рукой Роман. — Всё равно теперь не нужна.

Александр коротко кивнул, убрал деньги и карту и, не прощаясь, пошёл прочь — будто и не было этой нашей совместной погони за деньгами.

Николай всегда держал слово и не тянул с расчётами. Я приехал к нему в центр Москвы, прямо на его рабочее место. Он молча кивнул на два больших целлофановых пакета на столе:

— Тут всё. Как договаривались.

Я не стал пересчитывать. Просто посмотрел ему в глаза. Он не отвёл взгляд.

— Если бы хотел кинуть — кинул бы, — подумал я.

Николай чуть усмехнулся:

— Я не люблю усложнять. Три процента — и мы в расчёте.

Я взял пакеты. Они оказались тяжелее, чем я ожидал. Тяжесть пакетов чувствовалась в каждом шаге. Их шуршание звучало почти как голос: «Это твои деньги. Это реально». Я смотрел на людей вокруг и понимал, что уже не смогу быть одним из них. Кто-то листал ленту в телефоне, кто-то задремал, прислонившись к стеклу, — всё это теперь казалось каким-то далёким, чужим. Суммы перестали быть пугающими. Они стали холодным фактом: за этими цифрами пряталась новая реальность, в которой мне предстояло научиться жить. И она только начиналась.

В пакетах была и моя доля, и доля Романа. Он ждал меня в условленном месте, нервно поглядывая на часы. Когда я подошёл, он выдохнул:

— Ну? Всё нормально?

Я кивнул, чувствуя, как тяжесть пакетов будто передаётся рукам:

— Да. Всё нормально.

Мы отошли в сторону, туда, где не было прохожих, где можно было на пару минут выпасть из городской суеты. Разложили пачки на скамейке — не для театральности, а просто потому, что иначе не получалось. И начали пересчитывать. Купюры были мелкие, их было много, пальцы быстро уставали, но мы не торопились: в таких делах спешка — первый враг.

Когда закончили, разделили ровно пополам.

Конец доступа.

Через два-три дня Роман позвонил, когда я сидел в офисе — на своём рабочем месте, будто у меня и правда когда-то была нормальная работа. За окном моросил дождь, по стеклу ползли мутные потёки, а на столе передо мной тускло светился экран рабочего компа. Всё выглядело до абсурда обыденно: чашка остывшего кофе, стопка бумаг, календарь с давно прошедшими датами.

— Ты в банк-клиент заходил? — выпалил Рома вместо приветствия. Голос был не взвинченный, а какой-то странно ровный, будто он уже всё понял и теперь просто проверял,

знаю ли я.

— Нет, — ответил я. — Сейчас зайду.

Я открыл банк-клиент и замер. На экране жирными цифрами горели три миллиона.

— Я только что звонил в банк, — сказал Роман. — Скорее от скуки, чем ждал чего-то. А там — три миллиона. Давай кидай Коле.

Он выдохнул — не с облегчением, а так, будто сбрасывал лишний воздух, чтобы не сорваться.

Я потянулся сделать платёжку, привычно щёлкнул по кнопке. Но система не дала продолжить. Всплыло короткое, сухое уведомление: «Доступ к операциям по счёту ограничен».

Внутри всё оборвалось, но пальцы ещё на автомате прощупывали другие варианты — как будто, если нажать чуть иначе, всё вдруг заработает. Не работало.

— Козёл, — выдавил я, сжимая зубы. — Он нам ограничил доступ к операциям по системе банк-клиент. Вот это да. И, видимо, теперь собирается снять их по корпоративной карте. Спокойно, без суеты, пока мы тут сидим и думаем, что молодцы.

В офисе вдруг стало слишком тихо. Даже привычный гул города за окном будто приглушился, и остались только наши голоса в трубке да этот равнодушный экран, который больше ничего нам не обещал.

— Где ты сейчас? — спросил Роман.

— В офисе, — ответил я, оглядываясь по сторонам, будто в этой комнате могли найтись какие-то подсказки. — Сиж тут.

— Оставайся там. Я подъеду. Надо спокойно подумать, а не нестись куда-то сгоряча.

Но я-то знал, что «спокойно подумать» у него не получится. У него вообще не получалось спокойно, когда дело касалось денег и предательства.

Пока я ждал, пальцы сами открыли банк-клиент. Я листал выписку: даты, суммы, строчки, которые ещё недавно были просто цифрами, теперь складывались в историю нашего поражения. И с каждой секундой становилось яснее: мы не просто потеряли доступ. Мы потеряли контроль. И самое горькое — мы сами его отдали в благодарность, в попытке не выглядеть жлобами. В надежде, что это поможет остаться в хороших отношениях.

Когда Рома подъехал, он даже не стал подниматься. Просто позвонил снизу:

— Спускайся. Надо поговорить. Прямо сейчас.

Я замер на секунду, глядя на пустой стул напротив, на стопку бумаг, на чашку остывшего кофе — на всё это нелепое подобие нормальной работы, которая была у меня до этого похода с ним.

— Что будем делать? , — сказал я. — Надо сначала понять, что вообще можно сделать. Может, в банк...

— Нет, — отрезал он. — С нами там говорить никто не

станет.

Снова повисла тишина — та самая, в которой слышно, как мир сдвигается с места. Я откинулся на спинку стула, и она скрипнула — этот звук прозвучал до нелепости буднично. Ещё недавно мы делили пачки на скамейке, радовались, что схема сработала, и думали, что теперь держим всё под контролем. А кто-то в это время спокойно, методично выдёргивал из-под нас опору — по кирпичику, чтобы мы не услышали треска.

Я вздохнул, хотя говорить уже не нужно было — он и так всё слышал по моему молчанию.

Схема, которая казалась такой умной, теперь выглядела как ловушка. И хуже всего было то, что мы сами шагнули в неё, улыбаясь, и ещё благодарили того, кто её расставил.

Я спускался к Роману и всё яснее представлял, как распахну дверь к Александру и прямо потребую ответов.

Не надо, — выдохнул Роман. — Не будем светиться. Нам и так достаточно.

Роман замер, потом медленно выдохнул, будто сбрасывая с плеч тяжёлую ношу.

Нам с тобой по три миллиона — уже больше, чем я когда-либо видел. Зато мы в тени и нам никто ничего не предъявит и предъявить не сможет.

Мы решили не светиться, и, как оказалось, вовремя: позже я узнал, что к Александру приходили и те, кто реально стоял за счётом, и участковый — вопросы задавали жёсткие,

без церемоний. Но Александр был не из тех, кого можно напугать или заставить отдать что-то.

А мы с Романом просто растворились в городе — не потому что стали невидимками, а потому что поняли: лучший способ остаться целыми — это не искать справедливости там, где её не бывает, и не пытаться вернуть то, что изначально строилось на зыбкой почве. Мы забрали своё и ушли. И в этом, как ни странно, тоже была своя победа — тихая, без фанфар. Не громкая и не красивая, но от этого не менее ценная.

Распутье.

Я сидел и перекачивал эти цифры в голове, будто они были не деньгами, а камнями — тяжёлыми, холодными, настоящими. В голове всё равно крутилось: нам с Романом чуть больше шести, Александр тоже не упустил куш. И от этих цифр становилось ещё холоднее: мы считали доли, как будто это было нормально.

Первое наше дело выстрелило так, что превзошло все мыслимые и немыслимые ожидания. И от этого становилось не столько радостно, сколько жутко: будто я шагнул за какую-то невидимую черту, за которой прежние правила уже не работают.

Моя среднемесячная зарплата на основной работе колебалась в районе тридцати–сорока тысяч рублей. Раньше эта цифра казалась мне вполне приличной: она позволяла сводить концы с концами, планировать отпуск раз в год, изредка

баловать себя чем-то приятным. Я даже гордился, что умею жить по средствам, всё просчитывать, не залезать в долги.

Но последние две недели перевернули моё представление о реальности с ног на голову.

Три миллиона за две недели.

Я повторял эту цифру, как заклинание, но она не становилась понятнее. Раньше я гордился тем, что умею жить по средствам, всё просчитывать, не залезать в долги. Теперь эти «средства» казались смешными.

Но страшнее всего было не это. Страшнее было понимать, что я уже не смогу снова радоваться сорока тысячам, планировать отпуск «через год» и делать вид, что всё под контролем.

Сейчас я стоял на распутье. Шаг влево — и можно потерять всё. Шаг вправо — и уже никогда не стать тем, кем был раньше.

Роман смотрел на меня, будто ждал, что я сейчас скажу: «Всё, завязываем». Но я не сказал. Потому что не мог.

— Ну, что думаешь? — спросил он.

Я медленно выдохнул.

— Думаю, что назад дороги нет, — сказал я. — Но я готов идти дальше. Даже если не знаю, куда.

Новая глава в моей жизни.

Вместе с Провоторовым.

Три миллиона. Эта цифра висела в голове, как мигающая вывеска, которую не выключить. Она разделила всё на «до» и «после». И самое странное — мне нравилась сама идея. Нравилась не потому, что это было правильно, а потому, что она работала с пугающей простотой.

ООО со своей историей, счетами, оборотами, отчетностью, продуктом — и всем этим можно было управлять, имея всего лишь контакт директора и полторы-две тысячи рублей. За эти деньги директор был готов сделать всё, что нам захочется. Как будто бизнес — это машина, а мы просто нашли ключи, которые кто-то оставил в замке зажигания.

Мы с Романом получили свои доли и разошлись. Временное расставание, как мы тогда думали. Но «временное» быстро становилось похоже на «надолго».

Я погрузился в размышления: увольняться или нет, куда идти дальше, что вообще делать с этой внезапно свалившейся финансовой свободой. Роман же занял выжидательную позицию. Его дальнейшие шаги оставались для меня загадкой. Он отвечал на сообщения односложно, а на звонки вообще не брал трубку.

Решение пришло само собой. Я сел за стол, открыл Word и напечатал: «Прошу уволить меня по собственному жела-

нию...»

Когда я положил заявление на стол начальнику, тот посмотрел на меня так, будто я только что признался, что собираюсь улететь на Марс.

— Ты уверен? — спросил он, постукивая ручкой по столу.

— У тебя тут всё идёт хорошо. Стабильно.

Я кивнул, стараясь выглядеть спокойнее, чем был.

— Уверен. Пора двигаться дальше.

Он хмыкнул, будто знал что-то, чего не знал я.

— Ну, дело твоё. Только не говори потом, что я не предупреждал: стабильность — штука редкая.

Прощальный стол на последний день получился странным. Коллеги смеялись, поднимали тосты, а я сидел и думал: «Вы даже не представляете, насколько мои реальные доходы сейчас отличаются от тех, что вы себе воображаете».

На следующий день я был свободен. Но свобода эта была не радостной, а тревожной — как прыжок с платформы, когда ты уже оттолкнулся, но ещё не понял, куда приземлишься.

Я пытался «реанимировать» Романа, вернуть его к активным действиям. Звонил, писал, предлагал новые варианты.

— Ром, есть ещё фирмы, — говорил я в трубку. — Мы не по всем счетам прошли. Давай хотя бы обсудим.

— Не сейчас, — отвечал он коротко. — Дай мне время.

— Время? — не выдержал я. — Чего тянуть? У нас всё есть! Надо действовать...

— Именно поэтому и надо остановиться на секунду, — оборвал он. — Пока не наломали дров.

После этого разговора я понял: стена не просто непреступна — она ещё и растёт.

Тогда я позвонил Александру Провоторову.

— Саш, слушай, — начал я, стараясь говорить ровно, без лишней спешки. — Есть ещё варианты. Остались фирмы. Если хочешь, можем пройтись по ним. Половину тебе.

В трубке повисла короткая пауза. Я слышал, как он щёлкает зажигалкой — он всегда так делал, когда думал.

— Половину? — переспросил он наконец.

— Да. Без обмана.

Ещё одна пауза. Потом короткий выдох.

— Ладно. Давай попробуем.

И мы пошли по оставшимся «целям».

Очередные деньги нашлись в ООО «ТОРГОВЫЙ ДОМ КУРГАНМАШЗАВОД». Реальная организация: сайт, реальные цены на технику, возможно торговый представитель крупного предприятия КУРГАНМАШЗАВОД. Всё выглядело настолько законно, что от этого становилось только страшнее.

Операция проходила в «Пробанке», недалеко от станции метро «Петровский Парк». Добраться до денег там оказалось значительно проще, чем в первый раз. Не нужна была та виртуозность, с которой работал Роман. Достаточно было директора, его паспорта и любой печати. Всё шло по накатанной:

пришли, показали документы, попросили сделать платёжные поручения.

Александр сидел напротив операциониста, спокойный, будто пришёл продлить страховку. Я стоял рядом, стараясь не смотреть в камеру над стойкой, и чувствовал, как внутри всё сжимается.

— Всё нормально? — тихо спросил я, когда операционист отошёл к принтеру.

— Нормально, — буркнул Александр. — Не дёргайся.

Мы оформили две платёжки: одну на фирму моего Николая, другую — Александр делал на своих знакомых.

Я был начеку. Александр уже показал себя, и я опасался, что он может провернуть какой-нибудь финт, который оставит меня без денег. Поэтому я стоял так близко, что слышал каждое слово, которое он диктовал операционисту, и после тщательно проверял реквизиты, каждую цифру.

— Ты что, мне не доверяешь? — покосился он, не отрываясь от своей платежки.

— Доверяю, — ответил я. — Доверяй но проверяй.

Моя часть средств ушла Николаю. Александр перевёл свою долю каким-то своим знакомым. Сумма была не колоссальной, но по сравнению с моей прежней зарплатой — раз в десять больше.

Всё прошло гладко, без шероховатостей, словно мы делали это каждый день.

Мы попробовали провернуть похожее в банке ВТБ с ООО

«НОВОТЕКС». Но на этот раз нам не повезло. Не хватало того чутья, той наглой уверенности, с которой действовал Роман.

Операционист начал задавать лишние вопросы, сверять подписи, просить дополнительные документы. Он не кричал, не звал охрану — он просто делал свою работу, и от этой обычной, добросовестной работы становилось страшнее всего. Система не просто проверяла нас. Она нас заметила. По спине полз холодный пот. Пальцы сами тянулись к краю куртки, и я сжал их в кулак, чтобы не выдать дрожь. Операционист снова сверил подпись — аккуратно, без спешки, как делают люди, которые знают, что у них есть время. Он потянулся к телефону и положил руку на трубку — спокойно, будто держал её наготове. В зале было слишком тихо. Даже кофемашина перестала шипеть. И эта тишина вдруг оглушила сильнее любого крика. В эту секунду я понял: мы не просто в зоне риска. Мы уже в протоколе.

— Уходим, — почти шёпотом сказал я, потому нас уже заметили.

Александр кивнул, не споря. Мы вышли на улицу, и холодный ветер будто смыл с нас эту фальшивую уверенность.

— Не получилось, — констатировал Александр, застёгивая куртку.

— Не получилось, — повторил я.

Он посмотрел на меня, чуть прищурившись.

— Но в прошлый раз получилось. Это уже что-то.

Я усмехнулся.

— Да. Это уже что-то.

Мы проверили оставшиеся фирмы — ничего. Расстались спокойно, без обид. Каждый пошёл своей дорогой.

Я шёл по улице, и холодный ветер пробирался под куртку, будто хотел выдуть из меня остатки прежней уверенности.

Раньше я гордился, что умею просчитывать риски: сметы, сроки, бюджеты. Теперь я знал: настоящие риски не живут в таблицах. Они сидят напротив, смотрят в глаза и решают, нажать ли кнопку.

Возвращение Романа.

Лето, казалось, выдыхало последние теплые дни, окрашивая небо в оттенки персика и лаванды. Мы не виделись с Романом два может быть три месяца. Но когда он появился, это было как удар молнии в ясный день.

Он стоял предо мной и в его глазах читалось что-то новое, что-то, что сразу же обескуражило меня. Не успел я и слова сказать, как он выпалил: "У меня больше нет денег. Все три миллиона, которые мы получили, я уже потратил."

Я стоял, как громом пораженный. Три миллиона. Я едва успел потратить сотню тысяч, пытаюсь разобраться, как распорядиться этой внезапной удачей, а он умудрился просадить всё. Мой мозг отказывался воспринимать эту информацию. Это было немыслимо.

Но это было только начало. Роман, словно почувствовав

мое замешательство, продолжил, и его голос стал жестче: "И я знаю, что вы с Александром провернули одно дело без меня. Я требую, чтобы ты поделился."

Злость в его глазах была почти осязаемой. Я почувствовал, как внутри меня поднимается волна возмущения. "Я звал тебя раз двадцать, Роман!" – вырвалось у меня. "Но ты был весь в своих делах, помнишь? Ты не отвечал на звонки, не приходил на встречи. Я не мог ждать вечно."

Он отвернулся, его плечи напряглись. Обида читалась в каждом его движении. Я видел, как в нем борются гнев и разочарование. Наступила долгая, напряженная пауза, наполненная невысказанными упреками и взаимным недопониманием.

Но, к моему удивлению, эта злость, казалось, начала утихать. Возможно, он понял, что его обвинения были не совсем справедливы, или просто осознал всю абсурдность ситуации.

— Ладно, — сказал он, и голос стал тише. — Это уже прошлое. Что теперь?

Я посмотрел на него: на лице осталась только усталость, будто из него выкачали весь прежний азарт.

— Теперь мы не гонимся за удачей, — ответил я. — Теперь мы просто пытаемся не упасть.

Он не спеша, словно перебирая в памяти обрывки своих приключений, поведал, как потратил деньги.

Это было как в тумане, — начал он, его голос стал тише. — Я чувствовал себя королем мира. Были люди, которые знали,

что у меня есть деньги. Они подталкивали. Я был слишком глуп, чтобы понять, что они просто пользовались мной.

Летний закат медленно уступал место вечерним сумеркам, а мы, забыв о прошлых обидах и потерянных деньгах, начали строить новые планы, но теперь в них не было прежнего восторга. Только холодная необходимость: если не мы, то кто-то другой соберёт эти деньги. И я вдруг понял, что больше не гонюсь за азартом. Я просто пытаюсь удержать равновесие на краю.

Директор для Идеальной Схемы.

Опыт уже подсказывал: подход Ромы, хоть и задавал ритм на старте, был далёк от идеала. Спрашивать только остаток по счёту — всё равно что пытаться сложить пазл, имея на руках лишь один фрагмент. Остаток — это лишь тень истины, обрывок информации, который почти ни о чём не говорит. Важно было видеть всю картину: кто, когда и сколько переводит. Идеально — следить за счётом в режиме реального времени.

Я не обладал общительностью Ромы с его безграничным кругом знакомств. Поэтому я выбрал пару проверенных друзей и предложил им шагнуть в стремительное обогащение.

Валерий Бардин не заставил себя уговаривать. Мы знали друг друга давно — по походам, по трудностям, по тем молчаливым моментам, когда слова не нужны. Он был в курсе части нашей истории, и предложенная роль его зацепила. В глазах вспыхнул азарт — не жадный, а деловой, расчётли-

вый.

— Думаешь, получится? — спросил он.

— Уверен, — ответил я. — С тобой — точно получится.

Я сделал сканы с его документов, создал почту от его имени и разослал данные по сети, оставив его номер телефона. Цель была проста: найти регистраторов, которым нужен идеальный директор. Валерий действительно был идеален. На нем не числилось ни одной фирмы, у него не было судимостей, не было долгов. Он был образцом добропорядочности и надежности. И они откликнулись моментально. Звонки посыпались градом — регистраторы чуяли выгоду, как охотники запах дичи.

— Да, это я, — спокойно отвечал Валерий в трубку. — Да, готов. Расскажите подробнее.

Я объяснял ему суть: куда ехать, что говорить, как держать лицо. Он слушал внимательно, кивал, задавал чёткие вопросы. И вскоре уже ворвался в эту кипящую работу регистраторов — не как новичок, а как опытный игрок, который быстро схватывает правила.

В такие моменты я ловил себя на мысли: вот оно. То самое недостающее звено. Валерий не просто директор — он фундамент. Его уверенность, трезвый ум и готовность действовать превратят нашу авантюру в настоящий финансовый триумф.

Валерий.

Само это имя уже звучало многообещающе. Мы были свя-

заны не просто дружбой — чем-то более глубоким, сотканным из лет, общих воспоминаний и невысказанного понимания. Не нужны были слова, чтобы почувствовать: он рядом. И этого достаточно.

Он был старше — не годами, а весом. Не грузом прожитого, а основательностью, выработанной временем. У него не было дипломов в рамках, его речь не изобиловала витиеватыми оборотами, но в политике он разбирался так, как иные профессора могли только мечтать. Он чувствовал пульс времени, понимал скрытые течения, видел на несколько шагов вперёд — будто у него был внутренний компас, настроенный на верные координаты.

Я помню, как он сам, без мастеров, перестроил свою квартиру. Его руки — мозолистые, сильные — знали толк в работе. Каждая полка, каждый угол дышали его вниманием к деталям. Это было не просто обустройство жилья — это было создание порядка. Он не просто вбивал гвозди: он выстраивал мир вокруг себя так, чтобы тот соответствовал его внутреннему устройству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.